

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

ЗАЖИГАЛКА С ДРАКОНЬЕЙ ГОЛОВОЙ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Валерий Поволяев

Зажигалка с драконьей головой

«ВЕЧЕ»

2019

Поволяев В. Д.

Зажигалка с драконьей головой / В. Д. Поволяев — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8254-0

Ciesz się klasyką! Miłego czytania!

ISBN 978-5-4484-8254-0

© Поволяев В. Д., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Валерий Поволяев

Зажигалка с драконьей головой

Одно из сообщений, поступивших из райотдела милиции, здорово озадачило здешнего участкового Шайдукова, он долго морщил лоб, шевелил губами, вчитываясь в слова официальной милицейской бумаги, наклонял голову то в одну сторону, то в другую и нехорошо вздыхал – сообщение касалось его самого, хотя там фамилия Шайдукова и не была названа.

В тайге стали пропадать золотоискатели. А этих людей ныне много ходит по лесу, шарится по мелким быстрым речкам, в которых воды холоднее льда, по перемычкам, отделяющим одно болото от другого, где, случается, золотая пыльца проступает прямо из-под грязи, ее только надо уметь собрать, ну и, конечно, надо знать, где можно ухватить за хвост «золотого змия», а он, как известно, не любит, когда к нему пробуют подступиться чужие, прячется от завистливых глаз, может притянуть к человеку, который ему не нравится, беду и, если тот не отступится, убить его.

На речках промысловая добыча золота была бесполезна, драга, например, будет только впустую выскрести донную породу, поэтому драги в здешних местах встречались редко, многолюдные бригады «мастеров-ух!» и «ах!» особо не задерживались, поэтому работали в основном одиночки, склевывали по зернышку, по крупинке, по пылинке и складывали добытое в кожаные кисеты, прятали их так, что даже электроника не могла найти золото, друг друга сторонились и если случайно сталкивались в тайге, то расползались, словно раки, не выпуская друг друга из взгляда, боясь подвоха, ножа, выстрела, потом поспешно разбежались, затихали, будто медведи, в темных углах – отдыхали, переваривали пережитое, немного успокаивались.

И вдруг золотоискатели начали пропадать. Естественно, со своими кожаными мешками.

Прятать мешочки они, конечно, умели, даже между ногами подвешивали, привязывали к мужскому достоинству, но это, как видно, не помогало. Шайдуков еще до милицейского сообщения пробовал нащупать в тайге кого-нибудь из золотоискателей, поговорить по душам, сидя у костра, но ничего из этого не получилось... Он был матерым, хитрым таежником, это признавали все, а они были поматерее, поголовастее его, он был хоть и свой в тайге, но не жил в ней, а они в тайге жили.

Конечно, пришлые охотники, рвущиеся до золотоискателей, могли построить себе лагерь где-нибудь в сухом обдуваемом месте, чтобы и комар грыз не до костей – в обдуваемых местах ветер сгоняет их в сторону, не дает зависать в воздухе, шерстит, – и чтоб вода находилась рядом, и огород бы был под боком, с черемшой и диким луком, и ягода чтобы недалеко росла, и рыба из вентирей не вылезала и начать кровавую охоту, но после первых выстрелов Шайдуков раскрутил бы все и быстро навел порядок, но пришлых злодеев в тайге не было.

Тогда кто же грабит и убивает старателей? Свои? Шайдуков потербил пальцами лоб, помял нижнюю губу и вздохнул недовольно: выходит, что свои. Но тогда кто именно, кто конкретно? Если бы знал это Шайдуков, то не стал бы задавать самому себе глупые вопросы.

Поразмыслив немного, Шайдуков велел жене приготовить еду на три дня, проверил болотоходы – свитые из прутьев широкие шлепанцы с ремнями, – осмотрел ружье – вертикальную «ижевку» двенадцатого калибра, набил патронташ зарядами, расположив их так, чтобы справа были жаканы, а слева пули, наточил на бруске нож, широкий, с тяжелым лезвием и невесомой пробковой ручкой, которая может держать нож в воде наподобие поплавок, смазал пистолет, отдельно сунул в рюкзак две обоймы патронов.

Пистолет можно было и не брать с собой, ружья в тайге достаточно, и Шайдуков заколебался – брать штатное оружие или не брать, и решил все-таки взять: а вдруг действительно гастролеры или беглые зэки, отличающиеся, как известно, особой жестокостью, или кто-то еще,

да не пустые, а со стволами, может быть, даже с автоматами – не-ет, тут с ружьем много не навоюешь. Хотя пистолет с автоматом тоже не справится: автомат перетянет.

Жена, наблюдавшая за сборами Шайдукова, не выдержала, скрестила руки на груди:

– Похоже, в лес ты надолго, Петрович...

Она звала его Петровичем, хотя лет Шайдукову было не так уж и много – тридцать восемь, Шайдуков же звал жену Алексеевной, правда, не всегда, иногда звал Еленой или просто Леной, лет ей было тридцать три – Христов возраст, самый мудрый.

– Я же попросил продуктов на три дня, разве непонятно, сколько пробуду там? – недовольно проговорил Шайдуков.

– А у тебя если не спросишь, то и не поймешь, на три дня ты уходишь или на три недели? Разве не так?

Тут жена была права – такое уже случалось, и Шайдуков, отвернувшись от нее, отвечать не торопился. Взял в руки пистолетную обойму, указательным пальцем утопил верхний патрон в полости обоймы, качнул головой недовольно – пружина была слабовата, при стрельбе может не дослать патрон в ствол.

– Разве не так? – не отступалась от него жена.

– Так, – пробурчал Шайдуков, почти не разжимая рта, – но более трех суток я задерживаться не намерен, – помолчав немного, пояснил, почему не хочет задерживаться, хотя пояснение это было туманным, как Млечный Путь в смутную ночь: – Такова оперативная обстановка.

Он любил выражения, которые звучали серьезно, от которых веяло некоей таинственностью, даже чем-то опасным: «оперативная обстановка», «вещественные доказательства», «быстрое реагирование», чем здорово удивлял земляков, те становились молчаливыми, без особых пререканий соглашались с участковым, скребли пальцами затылки, многозначительно поддакивали ему «дак эдак так», «сывыршенно однозначно», «так-то оно, эт-то верно», морщили лбы и уважительно поглядывали на своего образованного земляка.

Шайдуков был в селе образованным человеком, – вне всякого сомнения, – окончил среднюю школу милиции и имел диплом – толстые синие корочки с гербом, пухло выдавленном наружу на первой дерматиновой половинке обложки.

– Понятно, – насмешливо хмыкнула жена, она знала Шайдукова лучше, чем все его земляки, вместе взятые, – мыслитель! Сколько будет дважды два, без арифмометра сосчитать сможешь?

– Смогу, – серьезно и хмуро кивнул Шайдуков.

– Твоя «оперативная обстановка» и это предусматривает?

– И это предусматривает, – мелкие уколы жены не задевали Шайдукова, а по-крупному он никогда не даст уколоть себя.

Оперативная обстановка действительно была серьезной: как выяснил Шайдуков. Среди трех пропавших старателей был и Семен Парусников, однокашник по школе-семилетке, – вместе двойки хватали, вместе кнопки в стул учительнице подсовывали. Вместе в первый раз попробовали водку.

Их дважды выгоняли из школы, что в условиях не очень большого села – явление чрезвычайное, – в общем, все вместе. Школа их размещалась в небольшом бревенчатом доме с большой, по-сатанински гудящей печью, которая мешала спать на уроках. В четвертом классе у них преподавала новая педагогичка – задастая крикливая Нина Петровна, которая открыто недолюбливала учеников, ученики платили ей тем же. Однажды Шайдуков с Парусниковым кинули в печь пять холостых охотничьих патронов, плотно забитых бумажными пыжами.

Печка в тот день едва топилась, ребята мерзли – не хватало дров; Нина Петровна, лицо которой от холода попуцовело и представьте – похорошело, вытребовала прямо в класс бабку Зинаиду – уборщицу, завхоза, комендантшу, гардеробщицу, кашеварку, классного надзирателя, школьного попа и наказальщика одновременно, бабка отваливала затрешины налево-

направо, не стесняясь, – та явилась, очень похожая на Нину Петровну, только постарше, много старше, усатая, будто Буденный, уперлась руками в бока:

– Что?

– Холодно. – Нина Петровна приподняла руки и подышала на них.

Бабка Зинаида немного обьяла – не ожидала такой реакции, думала, что Нина Петровна будет кричать на нее, качать права, и тогда бы бабка сумела бы постоять за себя, она бы сказала. Что не только Нина Петровна – человек, живущий на земле, другие люди тоже живут и если ей холодно, то это совсем не означает, что другим тепло, и она могла бы взять топор и сходить в сарай наколоть дров и не совершать разных жандармских вызовов...

Подавленная какой-то неземной интеллигентностью новой педагогички, бабка кротко вытерла рукой усатый рот и бросила готовно:

– Счас!

Приволокла целое беремья колотых дров, часть покидала в топку, часть оставила внизу, на широком металлическом листе, постеленном на пол, чтобы вылетающие угли не прожигали дерево, потом поклонилась классу:

– Ежели еще понадобится, Нин Петровна, зови!

В печке тем временем грелись, набухали силой охотничьи патроны. Когда дровишки разгорелись, ахнул первый выстрел, из-за чугунной дверцы вылетел сноп искр, смел несколько девчонок, сидевших с краю парт, поближе к теплу – они любили греться (как, впрочем, и Нина Петровна), – следом ударил второй, спаренный, как на охоте, из двух стволов сразу, – вынес саму дверцу, тяжелую, успевшую стать горячей, а потом последовал и третий, тоже спаренный, он заставил печку выплюнуть в класс все дрова.

Что тут поднялось! Началась срочная эвакуация класса. Как в войну. Дым, вопли, плач, крики. Слезы, визг – все вместе. Чуть не сгорели. Шайдуков думал, что никто не дознается, не вычислит виновников, но директор школы Кирьянов – опытный следопыт, пограничник до войны и разведчик в годы войны, вычислил довольно легко, извлек виновников за уши на свет Божий и на педагогическом совете настоял на исключении Шайдукова и Парусникова из школы.

Принять потом в школу, конечно, принял, но заставил «народных мстителей» изрядно похныкать – зады у тех были полосатыми от родительских наук, кожа слезала скрутками, как обгорелая от солнца тонкая шкурка на плечах.

Кирьянова уже нет в живых – много лет спустя после сорок пятого года догнала война, уже сгнил директор в могиле, а вот бабка Зинаида еще жива – древняя очень и глухая, как пень, но живая; Нина Петровна тоже помаленьку небо коптит, преподает в школе, совсем беззубая, правда, стала и вширь раздалась – в двери не входит совсем, протискивается только боком.

Были и еще проделки у них с Семеном, – все при том же Кирьянове, но из всех проступков смекалистый, хваткий директор сумел раскрыть только один и снова исключил Шайдукова и Парусникова из школы.

Давно это было, так давно, что и вспоминать об этом уже неприлично, и если бы не Семен, участковый уполномоченный Шайдуков вряд ли бы вспомнил свое прошлое.

Он насупился, запустил пальцы в короткие жесткие волосы, поскреб – внутри у него шевельнулась горячая тяжесть, будто Шайдуков съел что-то несвежее, да еще неожиданно свело левое плечо. Левое – это плохо, слева находится сердце.

Значит, у него начало болеть сердце – вспомнил про прошлое, про Парусникова, про хулиганские проделки в школе – оно и заныло.

И вот Сеня Парусников пропал, ушел в тайгу мыть золото и не вернулся.

В голове сделалось шумно – Шайдуков размяк, расчувствовался, – хоть и нет сноса человеку, материал, из которого он слеплен, много прочнее железа, а хандра берет, проедает дырки, вызывает слезы и тоску. Из старого шкафа, помнившего, наверное, времена Алексея Тишай-

шего – очень древний был шкаф, – Шайдуков достал толстый альбом в немодной плюшевой обложке, открыл.

Почти в каждый лист альбома были вклеены фотоснимки, где он был сфотографирован вместе с Семеном – то в школе, за партой, то у речки с удочками в руках, то вдвоем в обнимку, с ружьями и собаками под заснеженными соснами, то с большим тайменем одного с ними роста – еле-еле удерживали его вдвоем, пыжились, но держать такого тайменя – одно удовольствие, наслаждение, это было видно по их натуженным довольным физиономиям, хотя такого дядю выводить, усмирять в воде, а потом, подпихивая пузом, тащить на берег, – это мука, очень сложная штуkenция... Это все равно что выиграть малую войну где-нибудь в районе Карибского моря или Персидского залива.

Вот крупная фотография Парусникова, на обороте есть дарственная надпись, Шайдукову захотелось ее прочитать, но отклеивать снимок от листа он не стал, вместо этого взгляделся в Семеново лицо. Тонкое, насмешливое, с крупным ртом и умными глазами, посаженными под самую лобную кость, – Семен преданно смотрел со снимка на Шайдукова и молчал.

– Ох-хо! – вздохнул Шайдуков и с гулким пистолетным хлопком закрыл альбом: достал его Семен этим неммым взглядом.

– Петрович, ты когда спать будешь ложиться? – спросила его жена. Громкий хлопок встревожил ее. – Ты ведь завтра в тайгу собрался. Или не собрался? А?

– Собрался, – нехотя проговорил Шайдуков, быстро разделся и с ходу нырнул под одеяло. Позвал жену: – Иди сюда!

Он вышел, когда солнце еще только думало просыпаться, серый восход застилали комариные тучи, от их тонкой нервной звени можно было оглохнуть – комары издавали звук такой же назойливый и звонкий, как цикады на юге, по писклявоголосым очень хотелось садануть из ружья, спалить противное шевелящееся облако, но одно облако спалишь, а полсотни других останется, навалится дружной кучей и начнет есть... Очень любят комары это дело.

– Тьфу!

Подбросил на плече рюкзак, поправил ружье и болотоходы, оглянулся на дом, где в темном провале двери застыла жена, одетая во все белое, похожая на фигуру со старинной картинки, призывно поднял руку.

Жена в ответ также подняла руку, сделала это молча, и у Шайдукова вновь, как и вчера, защемило сердце. Ближе и роднее жены у него не было человека.

Над ним остро, опасно звенели комары, тихо плыл белесый, ставший совсем прозрачным, будто легкий папиросный дым, угасающий месяц, сквозь серую жижу просыпающегося утра попыталось просочиться сонное солнце, но попытка была бесполезной – что-то придавило светило и не давало ему возможности подняться.

Поиски в тайге почти ничего не дали Шайдукову – обнаружил только две стоянки золотоискателей – старые, возможно, сооруженные одним и тем же человеком, да кротинные норы речного мусора по берегам старательского ручья, – все это было тщательно перебрано, прощупано человеком, пальцы обследовали каждый камешек, каждый предмет... Шайдуков покачал головой:

– Будто землеройка прошла, ничего не пропустила. – Постоял около одной из куч, посомневался: – А стоит ли золото тех денег и тех нервов, которые человек тратит на него? А? – оглядел редкий, растущий вкривь-вкось лесок по обе стороны ручья и ни к какому выводу не пришел.

Почва для леса здесь была нехорошая, скудная, снизу корни подтачивает болотный гной – на трясину, смрадные бочаги и провалы было брошено земляное одеяло, на котором выросла невысокая шерсть – в основном худосочные сосенки, среди которых кое-где поднимались вверх коричневые березовые свечки, но этих свечек было раз-два – и обчелся, росла в основном

сосна, да еще кое-где лиственницы. Как только корни добираются до нижнего слоя одеяла, так деревья погибают.

Живут они очень недолго – десять – двенадцать лет. В общем, короток их срок... Шайдуков вздохнул. Снова окинул взглядом перелопаченные горы породы и сделал вывод, который не смог сделать несколько минут назад:

– Нет, не стоит.

Он уже шел обратно – истекал третий день его «командировки», Шайдуков опаздывал на половину суток, жена была права, утверждая, что он неуправляемый, непредсказуемый, говорит одно, делает другое, получается третье, – не уложился он в срок и теперь чувствовал себя виноватым, когда неожиданно ощутил сильный укол в спину. Явственный такой укол, не очень сильный, но приметный. И в затылок тоже что-то кольнуло.

Так бывает иногда, когда в спину кто-то целится из двухстволки, нащупывает низ левой лопатки ружейной мушкой, в таких случаях даже волосы на голове могут подняться дыбом, Шайдуков словно бы в рассеянной задумчивости, какая может стрястись с человеком, которого гложут заботы о бесцельном прозябании мира, замедлил шаг, потом и вовсе остановился, будто увидел редкостный цветок, повел плечами, освобождаясь от усталости и тяжести, и вдруг стремительно присел.

Развернулся в низкой, почти у самой земли стойки, описав вытянутой ногой круг, как циркулем, и выкинул вперед правую руку.

В руке у Шайдукова был пистолет. Он ткнул им в одну сторону – никого, другую – также никого, в следующий миг ему показалось, что в зелени молодого сосняка кто-то мелькнул, и он стремительно перекатился к сосняку. Пусто. Ну хотя бы птица какая-нибудь захлопала крыльями, либо зверек перепрыгнул через ствол поваленного дерева... Тогда что же мелькнуло, кто позвал его?

Шайдуков выпрямился, перевел дыхание. Сердце гулко колотилось где-то под мышкой – вон куда оно ускакало! Вроде бы не считал Шайдуков себя пужливым, а тут что-то произошло, кто-то подал ему знак.

Может, под ногами валяется золотой самородок и подманивает его? Шайдуков присел, огляделся и в следующий миг увидел неподалеку предмет, свидетельствующий, что здесь недавно проходил человек: на рыжем просевшем покрове плотно сбитых сосновых игл валялась донельзя извозюканная, мятая и грязная пачка папирос «Север». Такие папиросы когда-то еще звали «Нордом», но Шайдуков тех времен не помнил, а сейчас и «Север» стал таким же редким, как пролет стаи попугаев над айсбергами Северного Ледовитого океана.

Из рванины в пачке высыпалось несколько целых папирос. Не выкуренных, не драных, – целых, лишь немного подмоченных, в желтоватых никотиновых разводах.

– Разбросался кто-то в лесу, как у себя на огороде, – недовольно пробурчал Шайдуков. Ему захотелось услышать собственный голос, – что-то муторно, одиноко сделалось, будто подвели его к собственной могиле и сказали: «Вот тут ты будешь лежать, ногами на запад, – хотя покойников кладут ногами на восток, на восход солнца, – а крест, чтобы ты не рыпался, мы поставим в головах, понял? – хотя кресты обычно ставят в ногах.

Освобождаясь от наваждения и тесноты в груди, Шайдуков протестующе покрутил головой, потянулся за пачкой.

– То ли случайно из кармана выпала, – пробормотал он угрюмо, себе под нос, – то ли... Вот именно – то ли!

А может, человек специально выбросил папиросы, чтобы не соблазняться и не травить себя табаком? Шайдуков отрицательно покачал головой: папиросы выпали из кармана сами. Если бы человек увидел их, то обязательно бы поднял.

Пошарив немного глазами по земле, Шайдуков обнаружил еще одну деталь – важную, как ему показалось – позеленевшую армейскую пуговицу. Не генеральскую, конечно, с выпук-

лым государственным гербом, а солдатскую, простую, со звездочкой. Да и генералы, как было известно Шайдукову, папиросы «Север» не курили. Он усмехнулся едва приметно, скользнул глазами по коридору, деликатно образованному молодыми сосенками – ну будто бы специально созданному, поднял голову и зажмурился, как от удара в темя.

На высоте метра три – три с половиной за сук мрачноватой, уже начавшей гнить сосны зацепилось выцветшее гороховое тряпье. С правой стороны из рвани, как из некоей прорехи, торчала высохшая желтая рука со скрюченными пальцами, а с левой – голова с вытекшими глазами и порванной на лбу кожей, свернувшейся в сухой скруток.

– Члове-ек! – едва слышно охнул Шайдуков, проворно засунул пистолет в карман – чего же он перед мертвым выхваляется оружием? Кого пугает?

Да и прахом тряпки эти называть было неудобно – линялое, вымытое многими дождями и многими водами рубище, потрепанное ветрами и стужей, вобравшее в себя человека, съевшее его, прокоптившееся его духом... Шайдуков не верил тому, что видел – это не бытие, не явь, а какой-то дурной сон, в котором он, если захочет передвинуться на другое место – не передвинется, сон есть сон, в нем ходок лишается ног, либо, наоборот, обретает крылья. Ни ног, ни крыльев у Шайдукова не было.

Что-то знакомое было сокрыто в костисто-желтой страшной голове, в проеденном носу и искривленных, разодранных с одной стороны до шеи губах.

– Кто ты, человек? – просипел Шайдуков севшим голосом – из него будто бы выпустили весь воздух. – Неужто... Нет-нет-нет, – он покрутил головой, отменяя от себя страшную догадку, поморщился, когда набежавший ветерок обдал его сладковато-удушливым запахом – тряпье висело на ветках долго, начинка протухла.

Аккуратно, боком, словно бы ожидая удара, Шайдуков приблизился к дереву, поглядел в мертвое безглазое лицо, и рот его страдальчески дернулся – это был Сеня Парусников.

– Как же ты тут очутился, Семен? – с жалостью спросил Шайдуков, почувствовал в висках жжение. – Кто тебя убил, Семен?

Подумал не к месту, что Семен ведь был красивым человеком, не имевшим ничего общего ни с этим черепом, ни с тряпьем, ни с грязной усохшей рукой, пытавшейся разогнуть усохшие пальцы. Когда-то, в пору жениховства, Шайдуков завидовал Семену – очень уж ладный был он, девчонки поглядывали на него чаще, чем на будущего участкового, и Шайдуков, засекая все приметливым глазом, ощущал себя ущербным – и лицом не вышел, и фигурой, и ноги у него косолапили, и руки были не столь ловкие, как у Семена, – ему никогда не удавалось то, что удавалось смастерить Парусникову.

– Эх, Семен, Семен, – горько прошептал Шайдуков, – кто же тебя так изуродовал? Не сам же ты залез на дерево... Кто? Медведь? Тигр?

Нет, не медведь и не тигр. Медведей здесь было очень мало, вели они себя, как провинившиеся деревенские мужички – очень тихо, всего боялись, втихаря хряпали целебные корешки и ловили рыбу, а тигры сюда покамест не забредали – пасутся далеко на востоке, в Приморском, да в Хабаровском краях, и пусть себе там пасутся!

– Значит, человек, – обреченным тоном пробормотал Шайдуков.

Что-то ошпарило его изнутри, вызвало затяжную сосущую боль – такую рану, которую ему нанесла смерть Семена, заштопать придется долго, да и все равно вряд ли он до конца ее заштопает. Жаль, не удастся им с Семеном потягаться в старости – у кого физиономия приличнее? А сравнить свой облик с обликом Семена где-нибудь лет в семьдесят хотелось бы... Говорят, что те, кто берет верх в молодости, в старости проигрывают – в природе все уравновешено. В старости стройные статные красавцы с одухотворенными лицами превращаются в опухших толстоногих тюленей, прикованных к завалинкам, со слезящимися глазами и тройными подбородками, похожими на зобы, а неказистые костлявые парни до самой смерти сохраняют бод-

рый вид, коствлявость сглаживается, приобретает приемлемые формы, становится приятной, такие старички бегают, словно парни, и шустрят, словно парни, и суется даже в гробу.

– Эх, Сеня, Сеня. – Шайдуков почувствовал, что сейчас расплается, пальцами накрыл повлажневшие глаза, подождал немного. – Кто тебя так и за что, Семен?

По карте Шайдуков прикинул, где он нашел останки Семена, в каком месте, кто загнал Парусникова на дерево, и ни к какому выводу не пришел. Не с самолета же его скинули, в конце концов. Еще раз заглянул в карту, побродил вокруг, примечая деревья, тухлое болотце, густо поросшее алым клюквенником, потом сделал на стволах несколько затесей, ножом прочертил стрелки-указатели.

Освободив рюкзак, выложив оттуда все, кроме патронов, – выбросил даже еду, решив, что до дома обойдется без харчей, – Шайдуков снял с дерева Семенову голову, содрал остатки тряпья, гниющую руку обмотал тряпьем, мхом-волосцом, скрутил все это в узел и сунул в рюкзак.

То, что было когда-то Семеном Парусниковым, надо было доставить в Клюквенный – их родной поселок. Накоротке обшарив тряпье, оставшееся от Семена, участковый не нашел двух вещей – кожаного мешочка, в котором Парусников держал добытый металл, он однажды показывал этот хорошо выделанный, пропитанный каким-то особым составом мешочек, показал только один раз, больше отказался, сказав, что Шайдуков своим цепким милицейским взором может отпугнуть доброго духа, живущего в этом мешке, – и модную зажигалку, которую Шайдуков подарил Семену на тридцатипятилетие.

В том же году и самому Шайдукову исполнилось тридцать пять, оии с Семеном были ровесниками.

Редкую зажигалку Шайдуков достал случайно в Москве, на ВДНХ – подвыпившему моряку заграничавания, по-петушину украшенному золотыми значками и медальками, не хватало денег на лакировку, и он, бросив длинный оценивающий взгляд на окружающих, выбрал Шайдукова – лицом, видать, тот понравился, – и предложил ему зажигалку.

Шайдуков поначалу решил отказаться – не курит, мол, хотя зажигалка была занятная, с инкрустированными щечками и золотой головкой редкозубого носатого дракона (впрочем, совсем нестрашного), с лихим шелком откидывающейся назад. Из отверстия, которое охранял дракон, с нажатием пальца выскакивало пламя.

«Значит, нет двух вещей, двух, – Шайдуков вздохнул, – но только ли двух? И иные вещички могут всплыть... Очень даже могут. Жаль, Семен не показал мне свой мешок во второй раз – побоялся. И золотишко свое тоже не показал – и это сделать побоялся. Надо будет взять справку в конторе: много ли Семен сдавал металла? Это первое. И второе – неплохо бы узнать, в каком районе он бедовал, мерз, мокнул в ручьях – здесь, в этом квадрате, или где-то еще, у черта на куличках? Вот только кто может это знать?»

Этого Шайдуков не представлял, хотя понимал, что есть люди, хорошо знающие, где промышлял Парусников в этом году.

Проверил упаковку, затянул потуже распах рюкзака, чтобы из нутра поменьше тянуло мертвечиной. Что-то цепкое сдавило ему горло, сделалось тошно, внутри сидела досада, вместе с нею – боль, затяжная, неприятная. На что уж Шайдуков был терпелив к боли, а эту выносил с трудом.

Сладковатый запах, тянувшийся из рюкзака, вскоре перестал давить на горло, а может, Шайдуков привык к нему. Уже в ночи он сделал привал – выдохся, надо было немного поспать, рюкзак повесил на толстый короткий сук, сам лег на лапник метрах в двадцати от рюкзака и, несмотря на усталость, на пульсирующее нытье в костях, толчками отзывающееся во всем теле – даже в висках и затылке, о намятых плечах и ключицах и говорить не приходилось, – долго не мог уснуть, изучал небо с мелкими, слепо помаргивающими звездами, прикидывал расстояние до них... По шайдуковским прикидкам получалось – это недалеко.

Странно, почему в таком разе говорят, что лететь до них долго – жизни не хватит... А вдруг хватит?

Никак не мог Шайдуков понять, откуда Семен свалился на дерево, как повис на сучьях и почему оказался разодранным, с начисто вываленным, потерявшимся нутром?

Неужели упал с неба, со звезд? А если с небес, то с какого конкретно облака, где остались его отпечатки и вообще, что он там делал? Шайдуков пошевелился на лапнике – лежать было неудобно.

Обидно было за Семена, – потерял он ровесника, приятеля, нет, больше, чем просто приятеля, – потерял друга. Приятелей могут быть сотни, а друзей единицы, и если уж он к тридцати годам не обзавелся друзьями, то далее, считай, уже не обзаведется. Это дело безнадежное, в старости люди друзьями не обзаводятся, в старости умирают... В общем, вместе с Семеном Шайдуков потерял часть самого себя, из этого похода он вернется домой совершенно другим – незнакомым ни жене, ни соседям. Он помял пальцами виски, сжался, затих, призывая к себе сон, и это помогло – вскоре он уснул.

Сон его был беспорядочным, странным, во сне его не отпускал прежний вопрос: как Семен попал в заоблачную высь? И почему его оттуда высадили, спихнули с облака, словно с расхристанной, громко тарахтящей телеги, чтобы коню было легче идти? И кто конкретно закинул его туда? Самолет? И какой, собственно, самолет – аэрофлотовский или грозного военного ведомства? Но ведь, насколько было известно Шайдукову, в воздушном расписании таких рейсов нет.

И все-таки это был самолет, либо вертолет – машина, которую местное население называет пердолетом или пердолеткой, – проверить вертолеты совсем легко, их тут мало, а вот с самолетами дело сложнее, много больше, тот самолет, который вчера отвез Парусникова к Богу, может завтра оказаться в Нью-Васюках или Грусть-Каменодырске, а если медлительные четырехкрылые букашки Ан-2 ходят за океан, то очутиться и там.

Где найти старателя, который укажет, в какой конкретно воде мыл Семен золото?

Где-то Семеновы концы остались, их Шайдуков найдет обязательно, чего бы это ни стоило.

Поселок Клюквенный имел простенький аэродром – земляное поле, заляпанное коровьими блинами, обнесенное обычной дачной сеткой, какой всякий рачительный хозяин старается обнести свое загородное имение, на котором, бывает, даже две тыквы не могут поместиться – не хватает площади; толкового хозяина у аэродрома не было, поэтому сетку никто не красил, она гнила в душные летние дни и лопалась зимой, в крутые морозы, и если бы у Шайдукова имелось право наказывать, он выписал бы штраф по полной программе какому-нибудь летному начальнику, но такого права у него не было. В результате старший лейтенант неодобрительно поджимал нижнюю губу и молчал. Иногда думал: а какое, собственно, теляти дело до грибов-мухоморов?

Этим летом в поселок Клюквенный был наконец-то прислан начальник аэродрома – мрачный снабженец, когда-то, видимо, проворовавшийся, но не настолько, чтобы сесть за решетку, – по фамилии Жаворонков. Своей фамилии он несколько не соответствовал – был тяжел, неповоротлив, коротконог, в зубах всегда держал какую-то размочаленную спичку, похоже – вечную.

– Жаворонок – птица певчая, – увидев его, хмыкнул Шайдуков, – Мусоргский! Иосиф Кобзон! К осени, глядишь, чего-нибудь споет.

Жить Жаворонков определился у Нины Петровны, хотя для него и тех, кто тут работал раньше, был специально выстроен дом с дранковой крышей, одна половина дома была отведена для пассажиров, другая под жилье, но Жаворонкова казенное жилье не устроило – слишком пусто и уныло там было, как в тюрьме, да и ночью на отшибе от людей Жаворонков оставаться один боялся.

– Ну как он? – спросил Шайдуков у Нины Петровны про Жаворонкова. Нина Петровна уже давно стала старой, сморщилась, потяжелела, про прежние нелады с Шайдуковым и его приятелем забыла, а старший лейтенант о школьном прошлом ей не напоминал – ни к чему это.

– Деньги заплатил заранее.

– А в остальном как?

– Тихий, как муха. А что? – вяло шамкая ртом, в свою очередь, поинтересовалась Нина Петровна.

– Да так, – уклончиво ответил Шайдуков, – мало ли чего... Вдруг он у вас на завтрак, Нина Петровна, дыню запросит?

– Дыни у нас не растут.

– Ну тогда персиков.

– Персики тоже не растут, – Нина Петровна не приняла шутивого тона своего бывшего ученика. Она и раньше бывала не очень охоча до шуток.

– Главное, чтобы он вас не обидел, не задел бы чем...

– С этим все в порядке.

– Ежели что, Нина Петровна, – сразу ко мне. – Шайдуков хлопнул себя пальцами по погону. – Нигде, ни на каком углу не задерживаясь!

– Обязательно, – пообещала Нина Петровна.

– Ни у какой бабки, Нина Петровна, как бы интересно это ни было.

– Есть, – понятиливо сморщилась Нина Петровна.

...Шайдуков появился на аэродроме за двадцать минут до прихода рейсового Ан-2, поглядел на вяло обвисшую колбасу, показывающую направление ветра, и, найдя себе место у изгороди, где его бы обдувало воздухом и сносило в сторону комаров (никакого движения воздуха не было и обдув отсутствовал, но сработала привычка), достал из кармана пачку сигарет, чиркнул спичкой, закурил и задумчиво посмотрел в небо.

Минут через десять мимо прошаркал Жаворонков.

– Самолет по расписанию идет, не опаздывает? – спросил у него Шайдуков.

– Придет в срок.

– Кто командир экипажа?

– Нам таких сведений не сообщают, – угрюмо пробурчал Жаворонков.

Шайдуков продолжал смотреть в небо, на Жаворонкова даже глаз не скосил, на виске у него дернулась мелкая жилка.

– Прилетит – узнаем, – сказал он, соглашаясь с ответом «певчей птицы», хотя знал, что по линии обычно сообщают, кто из командиров ведет самолет.

Еще через десять минут недалеко, словно бы выпутавшись из влажной теснины тайги, застрекотал самолет, стрекот был хлипким, каким-то обрезанным, словно бы в баке машины кончалось горючее. Шайдуков даже на носки привстал, обеспокоился, не случилось ли чего, звук увяз в кронах деревьев, исчез, и Шайдуков чуть не охнул – вдруг с самолетом действительно что-нибудь произошло, но в следующий миг звук возник вновь, усилился, и над темной растрепанной кромкой деревьев появился четырехкрылый, с широко расставленными тонкими ножками кузнечик.

У Шайдукова отлегло от сердца – с самолетом все было в порядке.

Ан-2 круто пошел вниз, словно хотел боднуть землю, в этом движении было скрыто что-то опасное, Шайдуков невольно подумал, что у деревенских бабок, наблюдавших за боевой посадкой гражданского самолета, от испуга должна возникнуть икота и вообще таких лихих пилотов надо отправлять на работу в давальню жмыха – больше пользы будет. Он стукнул кулаком о кулак, гадая, до самой земли самолет будет носом вниз целить или все-таки выпрямится.

От лихого пикирования из Ан-2 чуть гайки не посыпались, из выхлопных патрубков повалил черный искристый дым, звук мотора сделался голодным, громким, самолет, у которого по-телячьи был задран хвост, вдруг хвост этот опустил и, если бы была возможность, поджал бы его, затормозил свое падение, замер на несколько мгновений и в следующий миг плавно коснулся колесами травы. Шайдуков отер ладонью вспотевший лоб: ну и дает пилот! Летает, как в цирке.

Пробежав по полю, самолет ловко развернулся, и пилот заглушил мотор. Ан-2 в наступившей, колко ввинтившейся в уши тишине прокатился несколько десятков метров и, сделавшись неуклюжим, замер у неказистого, но добротного аэрофлотовского дома.

Шайдуков поцокал языком и проговорил негромко:

– Артист!

Артистом оказался летчик, с которым он был знаком – Игорь Сметанин, молодой, красивый, словно бы сошедший с кинооткрытки, какие в большом количестве продают в киосках сельской «Союзпечати», длинноногий, голубоглазый, с четко очерченным мужественным лицом, по таким парням обычно сохнут девчата, а они обычно крутят подолы кудрявым зазнобам лет до сорока пяти, не женятся, насыщаются, а потом одним махом отрубают свое прошлое, выбирают какую-нибудь непривлекательную кривоногую бабенку, способную лепить вкусные пироги с грибами, печь тающие во рту оладьи и варить тугие, остро пахнущие чесноком холодцы, смиряясь со своей долей, ставшую серой, спокойной, до самой последней черты. И в гроб очень часто сходят вместе со своей женой.

Но пока такой актер не утихомирится – берегись, девки!

Шайдуков подошел к пилоту:

– Ты на этой этажерке садился, как на реактивном истребителе.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант! – вежливо поздоровался Сметанин.

– Я видел в кино, как садятся на авианосцы реактивные самолеты – носом вниз, ногами в тормозную петлю, так ноги мокрыми от страха становятся, носки выжимать можно.

– Не верю, что это слова представителя доблестной советской милиции.

– Пассажиров, пока садился, не вырвало?

– У меня другого выхода не было, в Клюквенном – тяжелая посадка. Чтобы она была легкой, в тайге надо просеку километра на полтора рубить.

– Полтора – это ты хватил через край, Игорь.

– Ну, на полкилометра.

– Вот это уже ближе к истине.

Раньше Игорь Сметанин летал на больших лайнерах, ходил в отутюженных до бритвенной остроты брюках, в белой рубашке с накрахмаленным воротником, душился «шипром», жил в Москве, был своим человеком во многих крупных городах, но потом провинился и очутился в глуши, о Москве старался не вспоминать и летал на гремящих, с воньким дымом этажерках. Наверное, если бы он захотел, мог бы ныне вернуться на большие самолеты, но Игорь почему-то не хотел, замыкался, когда ему говорили об этом, жесткое красивое лицо его нехорошо серело и становилось печальным.

От старого у Сметанина остались только чистые, накрахмаленные до хруста рубашки, да хорошо отутюженные брюки – Игорь и в глуши не опускался до неряшества, следил за собой.

– Ну и как тут моя милиция меня бережет? – спросил Сметанин.

– Бережет потихоньку.

– А чего голос такой тусклый? Мероприятие какое-нибудь не удалось?

– В милиции все мероприятия удаются, Игорь. Начинаются с шумихи и неразберихи, отыскания виновных, заканчиваются наказанием невиновных и награждением непричастных.

– Очень зло, товарищ старший лейтенант. И умно. – Сметанин усмехнулся. – Милиция, похоже, умеет не только сапоги чистить.

Шайдуков усмехнулся тоже.

– Умом ты можешь не блистать, но сапогом блистать обязан.

– Похвальное правило.

– Скажи, Игорь, в воздухе тяжело открыть дверь самолета? – неожиданно спросил Шайдуков.

Лицо Сметанина сделалось озадаченным.

– Открыть-то можно, но зачем? Парашютистов выбрасывать?

– Ну, скажем, для следственного эксперимента, – немного помедлив, ответил Шайдуков.

– Открыть можно, это несложно, – Сметанин засмеялся, – для милиции все можно. – Он провел ладонью по лицу, словно бы снимал с него тень озадаченности, какой-то далекой, но все же ощутимой тревоги, достал из нагрудного кармана сигарету, помял ее пальцами – сугубо русская привычка: мять сигареты. За границей этого, как слышал Шайдуков, за границей живут деликатные люди. – Шайдуков смотрел, как красиво, изящно делает это Игорь, и безотчетно, совершенно не думая о «следственных экспериментах», ждал, какую зажигалку достанет из кармана его собеседник. Или он не любит зажигалок и прикуривает исключительно от спичек?

Сметанин сунул сигарету в зубы, прикусил ее зубами – тоже русская привычка, потом потянулся к зажженной сигарете Шайдукова.

– Прошу поделиться огоньком, – вежливо потребовал он.

Шайдуков дал ему прикурить.

– Двери, люки, заслонки во всех летательных аппаратах открываются только внутрь, ни силы, ни ловкости тут не надо, – пояснил Сметанин, – поэтому иногда в полете и бывает тревожно: вдруг какой-нибудь дурак выкинет фортель и откроет дверь...

– Зачем? – машинально спросил Шайдуков.

– В том-то и дело, что незачем. Лишь потому, что дурак. Дело это – неоперабельное, дураку уже никакой хирург не поможет, а люди страдают от чужой неизлечимости. – Сметанин с хрустом выпрямился и, не прощаясь со старшим лейтенантом, отправился в летный дом отмечать путевой лист.

«Может быть, Семена сбросили с такого же симпатичного Ан-2?» – тревожно подумал Шайдуков, продолжая стоять у ограды.

В самолет проходили люди – шла посадка. Села бабуля в синем новом платке – бабка Желтиха, за ней ловко запрыгнула в Ан-2 девчонка – ее внучка Оля, потом, покачиваясь пьяновато, проследовал отпускной солдат Шутов, следом – таежник в засаленной до блеска робе, фамилии которого Шайдуков не знал, – вполне возможно, старатель...

«Если Семена сбросили с самолета, то как он в него попал? И кто в таком разе выбросил? А может, его зверь на дерево затащил? Измял и, когда он был без сознания, затащил?»

Он поглядел, как в самолет забрался Сметанин, второй пилот – рыжеусый, похожий на донского казака крепыш по фамилии Хохряков убрал лесенку, втянув ее внутрь, решительно задвинул дверь, и Ан-2, развернувшись вокруг одного колеса, побежал на середину поля, потом, не останавливаясь, устремился на взлет, оттолкнулся от земли и в следующий миг уже очутился над деревьями. Игорь Сметанин умел летать лихо.

Шайдуков вспомнил, что две недели назад пришла оперативка из Иркутской области. Разыскивались двое подростков, которые из одноствольного ружья сбили Ан-2: ради интереса саданули по нему гусиной дробью, одна из дробинок перебила маслопровод, и огромный неуклюжий гусь затряс от боли всеми четырьмя крыльями. Потом загорелся.

Хорошо, хоть жертв не было.

Существует закон парности случаев: если где-то что-то случается, то вряд ли этот случай остается единичным, обязательно происходит повтор, если с Ан-2 произошла одна история, то непременно произойдет другая, примерно такая же. Очень часто – в противоположном углу страны.

На юге, на окраине наполовину вспаханного под озимые поля, колхозные механизаторы расположились на обед. Обедали они со вкусом, вместо скатерки расстелили свежую районную газету, выставили бутылку первача, облагороженного ореховыми перепонками, отшибающими даже у денатурата дурной вкус, разложили малосольные и свежие огурчики, огромные помидоры «бычье сердце», куски мяса и жареной печени, куриные яйца, со вкусом выпили и закусили, потом также со вкусом повторили и едва собрались сделать третий заход, как их накрыл самолет сельскохозяйственной авиации – четырехкрылый и вроде бы совсем безобидный...

Этот самолет делал полезное дело – удобрял поля минеральной мукой. И то ли пилот промахнулся на скорости, то ли, наоборот, ему захотелось специально пошутковать над вкусно обедающими механизаторами, – он взял и опылил их белым душным облаком.

Механизаторы не оставили выпад без ответа, один из них схватил опорожненную бутылку и запустил в самолет.

Бутылка угодила точно в винт, в лопастях что-то хряпнуло, в моторе раздался железный звон, и самолет совершил вынужденную посадку. С большим, надо заметить, трудом сел: увязнув колесами в мягкой пахоте, он чуть не перевернулся.

И чего только в голову не приходит, когда смотришь на дела рук мастеров высшего пилотажа! Шайдуков отвлекся от мыслей о друге своем Сене, от того, что он должен найти его убийцу, даже если это будет зверь, найти и наказать... Тут старший лейтенант сгорбился, словно на спину ему взвалили громоздкий мешок с углем, дыхание с болезненным сипом вырвалось изо рта, и Шайдуков, невидяще глянув на сигарету, погасшую у него в руке, швырнул ее себе под ноги.

Раз сигарета погасла, значит, кто-то по нему скучает. Есть такая примета. Только кто скучает? Хорошо, если жена... А вдруг пуля или зверь в тайге? Или бандит, сидящий с заточкой в схоронке, специально высматривающий милиционера, чтобы завладеть его оружием – штатным «макаровым»?

Шайдуков жалел, что не поговорил с замызганным мужичонкой, севшим в самолет к Сметанину, – возможно, тот был старателем... А возможно, и нет, но поговорить надо было бы. Хотя бы для очистки совести. Конечно, старатели обходят в тайге один другого за километр, все-таки иногда они встречаются и, зорко глядя друг на друга, фиксируя каждое движение, выпивают по котелку чая у костра, обговаривают лесные новости и погоду, а потом расходятся, петляют в тайге, как зайцы, делая по дороге остановки, лежки и устраивая засады, и в конце концов исчезают. Каждый в своем направлении, каждый у своего ручья, на своем маленьком прииске.

... Через два дня Шайдуков увидел на аэродроме еще одного старателя – медноголового, как хорошо начищенный старый чайник, парня с быстрыми крапчатыми глазами и мягкогубым добрым ртом.

– Как тебя зовут? – стараясь улыбнуться поприветливее, спросил у него старший лейтенант.

– Мать величала Виктором.

– Назвала так, конечно, в честь победы над Гитлером?

– Так точно! Хотя Гитлера я никогда не видел и тем более – не лупил его на фронте... Вообще, я считаю, он из другой эпохи, что-то из... ну, между гуннами и римлянами кто был, какой народ?

Шайдуков неопределенно приподнял плечи – этого в средней школе милиции он не изучал, расстегнул планшечку и показал парню фотографию, заложенную под желтоватый целлулоид.

– Этого товарища не доводилось встречать?

Золотоискатель взгляделся в улыбающееся лицо Семена Парусникова, качнул головой:

– Нет. А что... натворил чего-нибудь? Провинился?

– С ним натворили!

Медноголовый искатель золотых россыпей помрачнел.

– Значит, убили.

– Почему так считаешь?

– Иначе с чего бы им заниматься милиции? Если бы простая драка, мелкий порез на заднице – занимались бы другие люди. – Старатель вторично взглянул на фотоснимок, помрачнел еще больше. – Улыбка хорошая, я такую улыбку обязательно бы запомнил. Нет, не встречал я этого человека. Товарищ тоже золотишком промышлял?

– Тоже. – Шайдуков подумал, что в здешнем старательском краю, где полно промышленников-одиночек, надо, чтобы в каждом селе был открыт золотоприемный пункт, тогда старатели не летели бы с добычей в область, оставляли бы все на месте. В приемном пункте им выписывали бы квитанции Главзолота или как там эта организация называется – Торгсина, Торгмета, – либо чеки, а с этими бумагами можно лететь куда угодно, от Москвы до Владивостока. Там старатели меняли бы чеки и квитанции на деньги. Пока это не организуют разные начальственные чины, старатели будут пропадать.

– Жаль, если этот парень сгинул, – проговорил медноголовый и попрощался со старшим лейтенантом. – Мне пора!

– Куда хоть летишь?

– Отсюда только одна дорога – в областной центр, а оттуда – домой.

– А дом где?

– В Новосибирске.

– Далеко, – заметил Шайдуков и попрощался со старателем.

На следующий день Шайдуков увидел еще одного старателя – тот вышел к Клюквенному, надеясь сесть на рейсовый самолет, но самолета не было, подвела погода: низко над землей стелились сырые горячие облака, из которых сочилась странная противная мокреть – дождь не дождь, туман не туман, влага не влага – не поймешь, что это, комары сбились в такие плотные тучи, что через них никакой самолет не пробьется, винт увязнет, – и старатель, прячась от лихих людей, снова нырнул в тайгу. Хорошо, Шайдуков оказался проворнее, перехватил золотодобытчика уже в чаше. Показал ему фотоснимок Семена:

– Не встречал?

Тот обтер пальцами морщинистое лицо и ответил, даже не взглянув на снимок:

– Нет!

– Чего же так? Ты даже на фотокарточку не посмотрел.

– Я три года в тайге и за три года ни одного человека не видел. Обхожусь без встреч!

«Может, так оно и лучше», – подумал Шайдуков и повернул обратно.

Третий старатель, изможденный старик с большими водянистыми глазами также ничего толкового не смог сообщить – он не встречал Парусникова. И четвертый старатель, и пятый, и шестой: никто из них не видел Семена.

«Сычи чертовы!» – в сердцах выругался Шайдуков, хотя понимал, что он неправ.

Подумал, что Семен – честная душа, очень открытая, такие всеми ветрами со всех сторон продуваются, – вряд ли он в тайге прятался, вряд ли кого боялся, на промысел, как и многие старатели, ходил без оружия – нечищенные стволы и запах пороха отпугивают дорогой металл. Металл этот – робкий, всего боится, не только ружей, но и кошачьего мяуканья ночью, косых взглядов, козьих рогов, громкого голоса и другого металла.

И все же один из старателей, восьмой по счету, – Шайдуков не думал, что в тайге может быть столько искателей счастья, – неожиданно произнес:

– Этого мужика я видел.

Шайдуков с жадностью взгляделся в его усталое загорелое лицо, украшенное фонарями – бледными припухлостями под глазами, если бы не эти фонари, лицо старателя можно было

бы назвать красивым – черты правильные, ровные, на всем в этом человеке, на теле и одежде, лежала печать опрятности.

– Где видел?

– В тайге, естественно.

– Давно?

– Месяца полтора назад... Примерно так.

Старший лейтенант стал расспрашивать о деталях, но не нашел в них ничего существенного, достал карту и попросил старателя показать, где тот встретил Парусникова.

Старатель, не колеблясь, обвел пальцем маленький кусок зеленого поля.

– Вот здесь, на берегу Хизы.

Хиза была своенравной таежной речонкой, которая могла за пару часов вздуться до размеров Енисея, а потом обратиться в тихую неприметную струйку, а то и вообще пропасть. Худая речонка эта была ориентиром для старателей, с Хизы они начинали свой отсчет.

Шайдуков сказал «спасибо» добытчику – ну хоть что-то оказалось у него в руках, записал фамилию и адрес и отпустил с Богом.

Затем, не мешкая, поехал в район, в отдел милиции, запросил там список пропавших в последнее время старателей. Старатели пропадали и раньше – тайга-то не кинотеатр, куда люди приходят отвести душу, глядя на чужую (экранную) жизнь, и не теща, готовая накормить любимого зятя маслеными блинами, – человек, если он в тайге один, никогда не выберется со сломанной ногой или с воспалившимися легкими, тайга обязательно приберет его, не отпустит, но столько старателей, как в этом году, не пропадало никогда.

– Фотоснимки этих людей достать можно, товарищ капитан? – тряхнув списком, спросил Шайдуков у начальника уголовного розыска района.

– Думаешь, найдем их?

– А вдруг!

– Вдруг бывает только в кустах с молодкой, да в плохом кино. Еще у бабки на печке, когда к ней пристаёт таракан. А тут тайга, тыща километров налево, тыща километров направо – ищи свищи! – Начальник угрозыска со странной бандитской фамилией Хмырь вытащил изо рта мягкую травяную былку – любил чем-нибудь ковыряться во рту, спросил: – Ну что, есть какие-нибудь идеи?

– Идей пока нет, но могут появиться.

– Откуда? Из каких таких дебрей?

– У меня однокашник занимался старательским промыслом, так вот – его не стало. Я так разумею – убили.

– Кто убил? – насторожился начальник угро. – С чего ты взял?

– Может быть, зверь убил, может быть, человек... Не знаю. Пока не знаю.

– А раз не знаешь, то и не возникай.

«Очень неприятная у человека фамилия – Хмырь, – подумал Шайдуков, – но зато точно соответствует сути». Шайдуков знал, что начальник угрозыска подал прошение, чтобы в его фамилию добавили одну букву «о» – не Хмырь чтобы было, а Хомярь. Получалась вполне приличная хохлацкая фамилия, но ответа на прошение пока не было.

– Когда будешь знать точно, тогда и возникнешь, понял?

– Так точно, товарищ капитан, – сказал Шайдуков и про себя добавил: «Понял, чем козел барана донял».

Спустился на этаж ниже, к подчиненным Хмыря – там тоже не оказалось фотокарточек, их никто не собирал, поскольку никаких заявлений к ним не поступало, а раз не поступало, то никто этим делом не занимался. И вообще Хмырь считал, что человек, ушедший в тайгу, – сам за себя ответчик, закон не обязан его защищать.

Старший лейтенант Нестеров – длинный, с унылым потным носом, держась рукой за щеку, – допекал больной зуб, а идти к врачу он боялся, – сказал:

– Я завел было речь, но куда там, – он отнял руку от щеки и досадливо пошевелил пальцами, – капитан чуть было звездочки с погон не содрал – боится лишнее дело на себя вешать.

– Да, каждый пропавший старатель – это практически нераскрытое дело, – согласился с ним Шайдуков, – а тайга у нас – две Франции, три Бельгии и одна Швейцария. Чтобы прочесать «две Франции», не менее трех дивизий надо – по полторы на каждую «Францию».

– А каждое нераскрытое дело – это потенциальный выговорешник. – Нестеров поморщился. – Никогда не знаешь, кто им заинтересуется. Начальника нашего поздравил?

– С чем?

– «О» в его фамилию все-таки добавили.

– Тогда с чего же у него плохое настроение? Не хочет выставлять отделу положенное шампанское?

– От него не то, чтобы шампанского – стакана кислушки не дожدهшься, – Нестеров неожиданно хихикнул. – Ты слышал, как царь Александр Третий одному купцу фамилию на свой лад выправил?

– Нет.

– Жил один купец, первую гильдию имел, а фамилию имел странную – Семижопов. Мужик богатый, при золотых цепях и кольцах, а фамилию свою в деловых бумагах ставить стеснялся. Вместо него ставили фамилию старшего приказчика.

– Какого-нибудь Перышкина или Гайкина, – усмехнулся Шайдуков.

– Вполне возможно. Может быть, даже Пупкова. Чтобы избежать дальнейших конфузоз и привести фамилию в соответствие с богатством и положением, Семижопов послал нижайшее прошение на имя государя. Царь Александр Третий был остроумным человеком, прочитал прошение и написал толстым синим карандашом: «В ознаменование личных заслуг господина Семижопова разрешаю две жопы снять». – Нестеров кисло улыбнулся и схватился рукой за щеку. – М-м-м!

– Это не анекдот?

– Это наше историческое прошлое, документально подтвержденное. А начальника нашего все-таки поздравь.

– Надо подумать, – сказал Шайдуков.

– Вдруг шампанское выставит? В магазине как раз появилось. Теплое. Сладкое.

– Тепло-сладкое.

Хомыря он поздравлять не стал – все равно ему «тепло-сладкое» шампанское не пить, пристроился было на попутную трехтонку – шла в Клюквенный с мукой, – вдвоем все веселее будет, но через несколько минут Шайдуков передумал и попросил подбросить его до аэропорта.

– Чего так? – удивился шофер.

– Спешу!

– Денег, что ли, не жалко? Я бы бесплатно, к самому порогу, к дому доставил.

– Время, время, – пробормотал Шайдуков, – время дороже денег.

– Ну, как знаешь, – недовольно пробормотал шофер, зашмыгал носом, будто обиженный школьник.

Просьбу Шайдукова он выполнил, доставил до аэропортовской площадки, круто развернулся и, подняв столб пыли, укатил.

Рейсовый Ан-2, идущий в поселок Клюквенный, затем в Куропатку, Ивантеевку и Шиловку, был уже заправлен. Пассажиров набралось немного, и Шайдуков свободно купил себе билет, в самолете пристроился на жесткое железное сиденье напротив двери-люка и, подчиняясь команде, покорно перетянул себя ремнем. Невольно ощутил, что теперь составляет единое целое с сиденьем, с полым металлическим корпусом Ан-2, с игрушечными истертыми

колесами, похожими на колеса садовой тележки, с мотором и винтом, и это ощущение родило в нем легкое хмельное чувство, схожее с весельем.

Из кабины, по-журавлиному переступив через высокий дюралевый порог, вышел второй пилот, одетый в серую, почти милицейскую рубашку с погончиками, украшенными двумя нашивками, остановился рядом с Шайдуковым.

– Ба-ба-ба, кого я вижу! – голос у второго пилота был густой, сочный, будто у оперного певца.

– Здорово, Егор Сергеевич, – сказал ему Шайдуков, – давненько не встречались!

– Летаешь редко, потому и не встречаемся, – второй пилот рывком сдернул люк с места, ловко вогнал его в проем и повернул длинную красную ногу, закрепляя, потом, чтобы никто не вздумал сдвинуть люк без разрешения, перекинул через дверь цепочку, также окрашенную в алый сурик. – Заходи к нам, – пригласил он Шайдукова и показал пальцем на кабину. – Сейчас не надо – нельзя, а когда взлетим и наберем высоту – заходи! Посмотришь на землю с неба.

Егор Пысин родом был также из Клюквенного, учился в школе в одно время с Шайдуковым, потом женился на дочке заведующего финотделом райисполкома и пошел в примачи, переехал жить в райцентр. В Клюквенном он, конечно, бывал – у матери с отцом, – но редко, и с Шайдуковым встречался также редко – тропки их почти не пересекались.

Ан-2 набирал высоту медленно, рывками, тарахтел, находясь на одном месте – совсем незаметно было, чтобы земля удалялась или уплывала назад, она неподвижно висела под крыльями, а самолет, словно воздушный шар, прикованный к цепи, также неподвижно висел над ней, иногда под машиной оказывалась яма, и тогда Ан-2, беспомощно тарахтя винтом, проваливался в нее.

Шайдукову казалось, что во время падений из него вылезает вся начинка, все, что Бог напихал ему внутрь – сердце, легкие, печень, желудок, он крепко стискивал зубы и старался накрыть начинку грудной клеткой, как кошелкой. Люди, сидевшие в самолете, горбились надсаженно, какая-то бабка даже заплакала.

Но поднялись чуть выше – и сделалось легче, и дышать стало легче, провалы пропали, а когда набрали высоту, Шайдуков расстегнул ремень и, хватаясь за спинки кресел, двинулся в кабину.

– Космонавтом себя почувствовал, – стараясь перекричать шум мотора, пожаловался он.

– Взлет был тяжелый. Из-за жары, – пояснил Пысин. – Много восходящих потоков, ям, штурвал иногда приходится держать вдвоем. Для этого силу лошадиную иметь надо.

– В жару всегда так?

– Всегда.

Командира самолета, известного молчуна Иваненко Шайдуков также знал – доводилось встречаться раньше, Иваненко кивнул ему и отвернулся. Он и на земле разговаривал редко, а уж в воздухе и подавно. Егор перекинул от одного сиденья к другому брезентовую лямку и усадил на нее Шайдукова. Потыкал пальцем вниз, в задымленную зелень земли – смотри, мол. Шайдукову хотелось поговорить с Егором, но он понял – поговорить особо не удастся, – Иваненко уже косит на него неодобрительными маленькими глазами. Шайдуков склонился к Егору, прокричал ему в наушник:

– Сеню Парусникова помнишь?

– Ну! Вместе за девками бегали.

– Убили Сеню!

Пысин охнул, словно от крепкого тычка в поддых, неверяще глянул на Шайдукова:

– Как? Быть того не может!

– Может. И знаешь, где я его нашел? – Шайдуков рассказал, как и где он отыскал останки – малую часть того, что когда-то было Семеном Парусниковым.

Пысин, плотно сжав губы, неверяще покачал головой, глаза у него сделались маленькими, какими-то беспомощными. Хоть и решил Шайдуков, что ему не удастся поговорить с Егором, а все-таки они поговорили; Егор так расстроился, что у него даже затряслась нижняя челюсть.

– У вас, среди летчиков не ходили никакие слухи, что кто-то пропал? А? – спросил Шайдуков.

– Как это? – не понял Егор.

– Да очень просто. Взял человек билет на самолет, зарегистрировался в окошечке и исчез.

– Не-ет, – медленно покачал головой Пысин, – не припомню такого.

– Если о чем-нибудь похожем услышишь или произойдет что-нибудь, дай, пожалуйста, знать. Не в службу, а в дружбу.

– В стукачи вербуешь? – рассмеялся Егор.

– Ты чего, сдурел? Я же сказал – в дружбу.

Шайдуков вернулся на свое место, вновь пристегнул себя ремнем, сморенно глянул в иллюминатор вниз, в задымленную рябь тайги, увидел остро блеснувшую вдалеке воду – рыбное озеро, показалось оно на мгновение и тут же спряталось, накрылось зеленым одеялом, потом одеяло гнило расплзлось, показало темное нутро – тайгу разрезал золотиносный ручей. «Вполне возможно, что Сеня где-нибудь здесь и промышлял», – подумал Шайдуков.

Через несколько минут показался новый разлом – еще один ручей, потом еще – ручьев было много и каждый обихаживали старатели. «Как же они, прячась друг от друга, умудряются не сталкиваться? Метки ставят, что ли? Но по меткам и уголовник с заточкой может выйти на безоружного старателя. Высшая математика, тригонометрия с химией, и только!» – Шайдуков поморщился: тригонометрию и химию он не любил в школе особенно, до сих пор, когда вспоминает, испытывает изжогу, которую невозможно сбить никакими таблетками. Если бы была его воля, он вообще изъял бы эти предметы из списка мурторных школьных дисциплин – и без них одуревшим парнишкам и девчонкам за партами тошно.

Невесело сделалось Шайдукову. В таком невеселом состоянии он и прилетел в Клюквенный.

Игорь Сметанин происходил из хорошей семьи: отец – специалист высокого класса с прекрасной головой и умелыми руками, прекрасно справляющимися со всякой тонкой работой, доктор наук, главный сварщик крупного московского завода, мать – начальник отдела в номерном институте, разрабатывающем пластмассы для космоса, детей, кроме Игоря, в семье не было, поэтому единственному сыну родители отдали все...

Конечно, ни отец, ни мать не готовили сына в летчики – они и сейчас, когда Игорь уже окончательно определился и вряд ли будет переучиваться, полагают, что летчики – это голостантные романтики с ненормальными глазами, пьяницы и бабники, с которыми и зняться-то просто неприлично, и чувствуют себя уязвленными, когда видят Игоря в аэрофлотовской форме.

Отец не раз пробовал внушить Игорю, что пора кончать с романтикой – от нее пахнет авиационным бензином, надо переходить на что-нибудь солидное и внушающее уважение и пока он в силе, обязательно поспособствует этому, но Игорь, посмеиваясь и отпуская колючие шуточки, уходил от разговоров на эту тему.

Единственное, с чем мирились родители, – Игорь зарабатывал неплохие деньги, не меньше, чем главный сварщик со всеми его надбавками за съэкономленные электроды, высоковольтные галоши и бланки нарядов, прибавками за пытливыи технический ум и приятную наружность, Игорь неплохо зарабатывал, летая на большом Ту-154, также неплохо получает и сейчас, очутившись в малой авиации.

Почему Игорь перешел в малую авиацию, с какой стати сменил далекие престижные рейсы на коротенькие птичьи скоки из деревни в деревню, поменял Москву на сибирскую глушь, где медведи питаются клюквой и тухлой олениной, а от комаров отбиться совершенно

невозможно, отец с матерью не знали, но подозревали, что причина не только в Игоре. Сам он вряд ли когда произвел такую смену слагаемых.

Письма из своего Передрищенска Игорь слал очень бодрые, на жизнь свою наводил розовый флер, но мать с отцом понимали, что это всего лишь флер. Игорю не удавалось обмануть их.

Душным июльским днем в Шиловке на рейс к Сметанину сел пассажир – невзрачный, до полусмерти загрызенный комарами, с худым скуластым лицом и чистыми, будто у святого, невинными глазами. Продымленный, изожженный рюкзакишко свой пассажир кинул в хвост самолета, на коленях пристроил сверток – с этим грузом он не пожелал расставаться. Это был небольшой, стачанный из кожи домашней выделки морщинистый кулек, завернутый в несколько газет и перевязанный бечевкой.

Едва очутившись на сиденье, пассажир закрыл глаза и хрипло, с натугой и болью, задышал – он был хвор, хворь и выгнала его раньше времени из тайги.

Что это был за человек, Игорь понял сразу.

Усевшись в командирское кресло и включив маленький проворный вентилятор, прикрученный к верхнему краю панели, он сказал второму пилоту:

– Есть один!

Тот молча наклонил голову.

Кроме хворого золотоискателя в самолет села броская светловолосая девушка, больше пассажиров в Шиловке не было. Игорь запустил двигатель, сделал перегазовку и, почувствовав, как привычно и обрадованно задрожала машина – сейчас ведь в воздух, в высь, в простор, – отпустил тормоза. Когда Ан-2 покотился по мягкому травянистому полю, скомандовал второму пилоту:

– Давай, Агеев, задраивайся!

Агеев задрал дверь в салоне, бросил цепкий взгляд на золотоискателя, оценивающе оглядел девушку и доложил командиру:

– По-моему, особых хлопот не будет.

– Пошли на взлет! – приказал Игорь, дал полный газ. Взлетал он обычно на пределе возможностей мотора, как лихой реактивщик на истребителе, оторвал Ан-2 от земли, круто, почти неощутимо преодолевая воздушные ямы, повел самолет в облака.

– А девочка очень недурна, командир, – сказал в ларингофон Агеев.

– Меня это не волнует.

– Нас с тобою штука эта – жалость, – Сметанин неодобрительно покосился на напарника, – когда-нибудь обязательно погубит.

Агеев помрачнел.

– Хорошо, командир. Не будем ни о чем жалеть.

– Вот это правильно, – похвалил Сметанин, просвистел в ларингофон что-то бравурное, лихое и, видать, слишком громкое, напарник его даже поморщился, будто надкусил стручок горького перца, сдвинул наушники в сторону, чтобы не слышать командира, и Сметанину от этого сделалось совсем весело, он посвистел в ларингофон еще немного и смолк – переступить через грань было нельзя, во всем должна быть мера.

Минут через двадцать, когда земля уже едва виднелась в жаркой летней глубине, он сказал Агееву:

– Пора!

Агеев молча кивнул, повесил на рогульку штурвала наушники, расправил брюки на коленях и тяжело, будто у него болела поясница, встал. Он все делал тяжело, по-мужицки неспешно, словно бы нехотя, но что было важно – делал основательно и начатое всегда доводил до конца.

Взяв в руку короткий шоферской ломик, неуместно смотревшийся в кабине, набитой разными приборами, светящимися циферблатами, таймерами, верньерами, цифирью, навигационными премудростями, подкинул ломик в руке, пробуя его на вес, и решительно вышел из кабины.

Дверь с громким щелканьем закрылась за ним. Сметанин продолжал вести самолет.

В салоне было душно, пахло женским парфюмом. Агеев усмехнулся и, ощутив, как у него нехорошо подрагивают руки, достал из кармана сигарету, закурил, покосился на девушку.

Девушка была хороша, ничего не скажешь. Объединение, редкостный экземпляр, коллекционный – такая девушка может украсить любую компанию в любом городе – в Москве, в Рязани, в Париже и в этом самом... в Лиссабоне. Может, но не украсит. Агеев еще раз усмехнулся, погасил сигарету о ломик и ловко, в два беззвучных мягких прыжка достиг старателя. Тот спал, откинувшись назад и раскрыв жаркий, обезвоженный хворью рот. Голова старателя была завалена набок, невытая шея изогнулась по-птичьему хрупко, под пористой кожей обозначилась синяя, слабенько бьющаяся жилка. Нестриженные, завивающиеся на концах пряди волос прилипли к мокрому лбу.

Богатство свое – кожаный мешок – старатель берег и во сне – цепко сдавливал его пальцами, прижимал к животу, будто ребенка.

«Мешок тебе, парень, уже никогда не понадобится», – подумал Агеев и коротко, почти без размаха ударил старателя в низ шеи, в изгиб. Там, он знал, проходит сонная артерия, самая слабая, самая уязвимая жила в человеческом организме, если по ней врубить не ломиком, а просто ладонью, ребром, – двуногий, двурукий также отключится. И крови не будет. А кровь – это всегда следы, пятна на одежде, пятна на ботинках, красные липкие руки. Агеев поморщился.

Старатель неуклюжим кулем повалился набок. Падая, открыл глаза – большие, водянисто-чистые, наполненные болью, изумлением и каким-то неземным туманом. Он не должен был открыть глаза – все уже, мертвец, а мертвецы, как известно, не видят ничего, но этот упрямый, измочаленный бродяга открыл. «Святой, что ли?» – только и подумал Агеев и, чуть не до крови прикусив нижнюю губу, ударил старателя ломиком по шее с другой стороны.

Тот закрыл глаза и повис на сиденье, удерживаемый ремнем. Агеев подхватил кожаный кулек, сдернул с него газету.

Кулек был тяжел, Агеев встряхнул его, внутри что-то каменисто хрустнуло, и Агееву показалось, что из горлышка его, туго перетянутого сыромятной бечевкой, выбрызнул дорогой розовый свет. Хотя сырое золото ни блестеть, ни светиться не должно, это обычный грязный некрасивый металл, такой же неприметный, как глина или навозного цвета дешевый камень, добываемый в их районе для сельских нужд.

Сквозь гул мотора он услышал, как потрясенно ахнула девушка и стремительно повернулся к ней. Какой-то испуганный звук вырвался изо рта девушки, был он очень слаб, но чуткий Агеев все-таки засек его.

– Что, кошечка? – спросил он.

– Нет-нет, – замотала головой девушка, – нет! Я ничего не видела, я ничего не слышала, я ничего...

Агееву было жалко девушку. Одно дело – мужик, хотя и хилек, кожа да кости, плюс испепеляющий неземной взгляд, а все-таки мужик... Мужика природа создала для того, чтобы его уничтожать, он специально сконструирован для бойни, а баба... баба сотворена совсем для другого. Женщину можно убивать только в самом крайнем случае.

В глазах Агеева мелькнуло сомнение, но тем не менее он поднял ломик.

– Не-ет, – жалким цветком затряслась девушка, – я ничего не видела, я ничего... Я это... Дяденька! – она заслонила от Агеева обеими руками, из ярко-синих глаз ее выбрызнули слезы, обесцветили взгляд, сделали больным, старушечьим. – Не надо, дяденька!

Агеев оказался слабее, чем считал себя, закричал что было мочи:

– Замолчи, дура!

Девушка притиснула ко рту ладонь. Собственный крик подстегнул Агеева, заставил действовать. Он рывком сдернул с двери предохранительную цепочку, повернул длинную ногу запора, оттянул дверь в сторону и зорко глянул в обнажившееся опасное пространство: что там внизу?

Внизу тайга и тайга, ничего, кроме тайги не было, – нескончаемая зелень без границ, без краев, деревни здесь по нормальным сибирским меркам расположены в полутора сотнях километров друг от друга, – не близко, в общем, так не близко, что лишний раз к куму на какой-нибудь престольный праздник не поедешь.

Нет ли где дымов? Люди в комариную пору часто разжигают дымовые костры, комар ныне очень люгует, сшибает с копыт огромных лесных зверей, а человека съедает вообще, оставляя лишь кожу, да кости, – без дыма от комара не отбиться... Дымов не было. Агеев метнулся к старателю, сбросил с него ремень и, ухватив под мышки, подтащил к проему.

Он не убил старателя, хотя и метил безошибочно по сонной артерии, пока тащил, у того неожиданно затрепетали, начали дергаться веки, – конечно, это могла быть агония, но при агонии еще дергаются руки и ноги... У старателя это не наблюдалось. На шее у него с одной и с другой стороны образовались багровые подтеки. А подтеки, черноты разные, багровости, гематомы образует только живая кровь. Не мертвая.

На руке старателя, чуть повыше корневого сгиба большого пальца, было выколото маленько, четко «Семен».

– Семен, – пробормотал сквозь зубы Агеев, – еврей небось? У евреев много Семенов. Их имя!

Головой он сунул Семена в проем, тот покорным кулем лег на металлический пол салона, обе руки свесил в пустоту, Агеев отступил чуть назад, пальцами ухватился за спинку свободного сиденья, чтобы не улечь вместе со старателем в нети, и ногой вытолкнул неведомого Семена из самолета.

Увидел лишь, как тот в воздухе сложился вдвое, некоторое время летел в сложенном состоянии, потом попал в невидимую яму, тело старателя с силой швырнуло в сторону, у него дыбом поднялись волосы и взметнулись руки, он перекрутился мельницей вокруг собственной пуповины, словно в живот ему всадили штырь, снова сложился в поясице, – головой и ногами вниз, – и исчез.

Агеев оглянулся на девушку, помедлил чуть и с треском задвинул дверь.

Увидел лежавшую на полу нарядную зажигалку. Инкрустированные, дорого смотревшиеся щечки, бронзовая головка в виде добродушной драконьей морды... Зажигалку надо было бы выбросить – таковы законы ремесла, но Агееву не хотелось вторично раздраивать дверь, а потом зажигалка была явно дорогая. А дорогие вещи выбрасывать не принято.

Он нагнулся и поднял зажигалку, сунул себе в карман, косо глянул на девушку.

Та продолжала держать руки прижатыми ко рту.

– Раздевайся! – приказал он ей, и девушка, все поняв, закивала головой, расстегнула на себе розовую, с призывно вышитым на груди, на самом соске, цветком кофточку, побежала пальцами по пуговицам вниз, словно по кнопкам баяна, и у Агеева от нетерпения, от захлестнувшего его желания сладко стиснуло горло. Он перекинул кожаный старательский кулек на соседнее сиденье, довольно сощурился – неплохо поработал неведомый Семен – и сделал рукой подстегивающее движение: – Скорее!

Девушка испуганно сглотнула слюну, собравшуюся во рту, тряхнула челкой:

– Я сейчас... Сейчас!

Проворно сбросила с себя кофточку, стянула через голову юбку и осталась в короткой прозрачной комбинации – соблазнительная, молодая, совсем чужая в грохочущем самолетном салоне.

То, что произошло дальше, было обычным насилием, животной грубостью, от которой даже у привычного Агеева пересохло во рту, но он переборол в себе слабость, застегнул штаны и сказал девушке:

– Жить будешь! Долго будешь жить! Как тебя зовут?

– Раиса.

– Раечка, значит. Как жена нашего нового генсека.

Раиса согласно мотнула своей роскошной головой, потянулась за кофточкой.

– погоди, – сказал ей Агеев, – сейчас еще одного клиента примешь.

Девушка снова согласно мотнула головой.

– Командира нашего обслужишь, – сказал Агеев, голосом подчеркнув слово «нашего», сделал это специально. Добавил: – От него все зависит...

Девушка в третий раз согласно мотнула головой, хотела прикрыться от Агеева кофточкой, но вместо этого лишь слабо улыбнулась – чего ж теперь прикрываться-то, когда все свершилось? Глаза ее округлились, налились слезами боязни. Она дернулась, словно от укола, выронила из рук свою нарядную кофточку и вновь прижала пальцы к губам.

– Тихо, не дергайся, – попытался ее успокоить Агеев, – я же сказал, теперь все будет зависеть от нашего командира. – Помолчав, добавил хрипловато, словно бы прокатав во рту свинцовую дробь: – И от тебя тоже. Понятно, детка?

Слово «детка» было для Агеева чужим, не из его лексикона, – скорее из лексикона Сметанина. Он прошел в кабину, сел на подлокотник своего кресла.

– Как дела? – спросил Сметанин.

Агеев скорее понял по губам, чем расслышал вопрос шефа. Приложил к уху один наушник. Сметанин повторил вопрос, потом подмигнул: ну как, мол? Второй пилот поднял вверх отключенный рогулькой большой палец, сверху его посыпал «солью». Этот красноречивый жест в команде двоих много значил.

– И ее тоже? – спросил Сметанин и, не дожидаясь ответа, похвалил: – Скор на руку, однако!

– Ее я оставил, – произнес Агеев в дырчатый пяточок ларингофона. – Она ждет тебя.

– Как? – Брови у Сметанина поднялись высоко, взгляд сделался жестким. – Что за манная каша с невыковырнутым изюмом? Ты хоть соображаешь, что сделал?

У Агеева от взгляда командира на спине, под лопатками, возник неприятный холодок, он пожегся, хотел было сказать, что сейчас пойдет и сделает то, что не сделал, но вместо этого пробормотал примиряющее:

– Она нам еще пригодится, командир!

– Пригодится! – Сметанин фыркнул жестко.

– Дали слово, что об увиденном – никому, никогда, ни за что.

– М-да, ни за что до первого милицейского патруля.

– Ну зачем еще одну живую душу губить? С нас и без того на том свете спросится, Игорь Леонидыч! Зачем увеличивать счет?

– Как ее зовут, говоришь?

– Раиса.

– Прекрасная Раиса... Уж не Максимовна ли? Пхих! – оттаивая, уже чуть мягче фыркнул Сметанин. – Подведет нас с тобою эта девушка под монастырь. – Он озадаченно покрутил головой и произнес прощающе: – Ладно, держи штурвал!

Агеев вытащил из кармана затейливую зажигалку, украшенную сказочной бронзулеткой.

– А это тебе персональный подарок от покойничка.

Сметанин косо глянул на зажигалку.

– Оставь себе!

Агееву хотелось оставить зажигалку себе – очень уж ладная безделушка, хотя и совсем чужая, никчемная в старательском быту, где огонь добывают ударом камня о камень, а потом поддерживают сутками в старом ведре или сухой земляной выемке, калеча себе глаза дымом и прожигая одежду, в тайге красивой зажигалкой огонь не разведешь, но штука эта украсит карман любого богатого курильщика либо его письменный стол. По глазам командира Агеев понял, что зажигалка понравилась и ему.

– Спасибо, командир, но мне она не очень-то с руки. – Агеев, не колеблясь больше ни секунды, протянул зажигалку Сметанину. – Я такими штуками не пользуюсь вообще. Мне проще прикурить от гранаты либо от автоматной очереди.

– И это верно, – согласился с ним Сметанин, – еще засветишься с ней где-нибудь. А мне такую могли из Москвы прислать. Папа – доктор наук, который не вылезает из-за границы, с международных выставок и конгрессов. – Было в голосе Сметанина что-то обидное, высокомерное, Агеев это засек, но обижаться не стал, отложил, загнал в глубину самого себя.

Свою натуру Агеев знал хорошо, все, что он слышит и видит, будет держать внутри до поры до времени, а когда подойдет срок – выставит счет. Сейчас счет выставлять рано.

Он взялся за штурвал.

– Иди, девочка тебя ждет, командир. Напоминаю – зовут ее Раисой.

Вернулся Сметанин через пятнадцать минут, восхищенно тряхнул головой:

– Хороша баба! Горячая медь, жарок! Есть еще женщины в русских селеньях!

Агеев молча улыбнулся, кивнул: конечно, есть. Его немного удивило, что Сметанин сравнил Раису с жарком – сибирским цветком, москвичи обычно не позволяют себе таких сравнений, им жарки неведомы, ведомы георгины, тюльпаны и эта самая... жасминь. Нет, жасмин. Цветок мужского рода. А может, и женского.

Райцентр – это ни город, ни село, ни поселок, каковых развелось полным полно при заводах, при шахтах, там, где имеется промышленность; райцентр – это райцентр, несколько тысяч человек, живущих в сельских избах с городскими удобствами, с газом, горячей водой, канализацией и теплыми, расположенными прямо в домах, туалетами.

Люди здесь в большинстве своем хорошо знают друг друга, исключения редки, спрятаться от соседей негде – если только в тайге, но и тайга ныне имеет много хоженных троп, а нехоженные знают не все.

Для молодых – одно развлечение: районный ДК – Дом культуры, программы у ДК были небогатые, но никому из молодых не надоедали: кино и танцы. Дом культуры был первый объект, который исследовал Сметанин, едва появившись в райцентре. Постоял скромно в сторонке, послушал местных лохматых битлов, неведь что изображавших на музыкальных инструментах и неведь что хрипевших в микрофон, оглядел местных невест, выставивших себя как на продажу, засек несколько заинтересованных девичьих взглядов и ушел домой, в казенную аэрофлотовскую квартиру.

Авиация имела в райцентре несколько своих домов, так что местный Аэрофлот на нехватку жилья не жаловался.

На танцах Сметанин познакомился с Лилей – статной, грудастой, смешливой любительницей модных танцев и песен; если местные битлы старались заглотить микрофон, – и явно бы микрофон погиб, да мешал шнур, за шнур его можно было вытянуть из любой глубокой глотки, битлы пробовали исполнять песни словами, часто хрипло и неуклюже, и не их, наверное, вина в том, что это не всегда получалось, Лиля же любила исполнять песни ногами. Именно так – ногами!

Ах, чего только не умели выделявать эти длинные загорелые ноги! Не пышной грудью, к которой была прикреплена серебряная заморская брошка, не глазами с многозначительной

поволокой и легкой чувственной косиной, не тем, что могла вынуть из сумочки сотенную кредитку и купить на двадцать копеек мороженого (получалось, что Лиля была из богатых), не роскошными тяжелыми волосами, а именно ногами привлекла она Сметанина.

Он попробовал было пройтись по поводу Лилиных ног, но неожиданно для себя смешался... На память пришла история, как он однажды фланировал со своим приятелем по Броду, как в ту пору называли улицу Горького, и не отводил глаз от точно таких же ног – длинных, дивных, с тугими икрами... Шли они за приметной девушкой и роняли на асфальт, отмечая мокрыми вехами, свой путь.

Наконец приятель не выдержал и мечтательно произнес:

– Познакомиться бы с этими ножками!

Девушка неожиданно остановилась и ловко, на одном тоненьком каблукке повернулась к преследователям:

– Сто рублей – и мои ножки будут на ваших плечах!

Игорь Сметанин чуть на асфальт не сел, услышав эти слова, его приятель распахнул рот так широко, что туда могла легко влететь галка: вот так девушка, вот так ножки!

Игорь пошел провожать Лилю. В серой ночной мгле легко угадывалась дорога, хорошо были видны выщербины в дощатом светлом тротуаре, который хозяйки в райцентре скребли ножами и мыли мылом, как на Западе, в каком-нибудь Антверпене или Реймсе... И вообще здесь жили брезгливые люди, не любившие ни грязь, ни мусор, ни пустые консервные банки с траченными молью вещами, – в райцентре всегда пахло чистотой. Этот особый здоровый дух можно отличить от любого другого, даже наодеколоненного – Сметанин встречал людей, которые, чтобы забить вонь, одеколонили воздух...

По дороге Игорь много говорил, веселил Лилю, Лили охотно смеялась, с ней вообще было легко, она реагировала даже на согнутый крючком палец, и шли они вроде бы к Лилиному дому, а очутились около холостяцкого жилья Сметанина.

– Зайдем? – предложил Сметанин.

– Не-а. – Лили засмеялась.

– Варум? Я не страшный, я не кусаюсь, я добрый, и у меня дома есть чай и бутылка хорошего вина.

– Не все сразу. – В голосе Лили прозвучали такие нотки, что Сметанин понял: если будет настаивать, то испортит все. – Не обижайся, пожалуйста, – попросила Лили.

– Я не обижаюсь.

– Не сегодня, не сегодня, – многозначительно проговорила Лили на прощание и, громко постукивая каблукками о дерево тротуара, пошла дальше.

– Мое дело – предложить, ваше, сударыня, отказаться, – сказал Игорь, глядя себе под ноги, – хоть и было все хорошо видно, а боялся промахнуться и ступить мимо доски, двинулся вслед за Лилей, досадуя на не предсказанную обстановкой неудачность финиша.

Но как ни будет сопротивляться бабочка, он все равно поймает ее – у старого юнната была опытная рука, изловившая не один десяток разных мотыльков, промахиваться бывший показательный пионер и отличник учебы не привык.

– Я живу недалеко отсюда, – сказала Лили.

– По московским меркам тут все недалеко.

– Москва – красивый город? – с какой-то тайной надеждой в голосе, неожиданно сделавшимся хриловатым, спросила Лили, сделала рукой широкое движение, словно бы хотела обхватить город, который никогда не видела, и Сметанин понял: девочке очень хочется попасть в Москву. Манит столица мотылька, ой как манит!

– Как сказать, – проговорил он неопределенно.

– Вот так и сказать.

– И красивая и некрасивая одновременно. В Москве всего есть понемногу. Души только нет.

– Это, извините, как? – Лицо Лили сделалось недоверчивым.

Объяснять ей, что такое душа города, Игорь не стал.

Они встретились на следующий день, и Лиля, отгородившись от Сметанина ладонями, – она хотела упереться ладонями в его грудь и оттолкнуться, но отталкивать Сметанина не надо было, он отошел от Лили сам, – произнесла знакомое:

– Не сегодня!

Осталась она у Сметанина только на третий день...

Беда маленьких поселков в том, что все они – дырявые, ничего в них не утаишь, люди здесь все знают друг про друга.

Как-то Сметанин провожал Лилию домой и увидел идущего навстречу крутоплечего, с бычьей посадкой головы, – почти без шеи, – человека.

– Ой! – Лиля невольно сжалась.

– Что случилось?

– Отец!

Лилин отец подошел к ним вплотную и, недобро глядя на Игоря, протянул ему жесткую сильную руку.

– Хмырь!

– Что-что? – Сметанин невольно отступил на шаг назад.

– Хмырь моя фамилия. Что, режет городское ухо? Не боись, парень! Скоро не Хмырь будет, а Хомырь, по-хохлацки. Бумаги на смену фамилии я уже подал.

Аккуратно пожав руку Лилиному отцу, Сметанин церемонно, как в театре, поклонился – вот любитель великосветских жестов, – накололся на твердый, все понимающий взгляд Хмыря.

– С нами можно попроще, чем проще – тем лучше, – сказал Хмырь.

Был одет он в серую полотняную рубаху со штрипками, пришитым к плечам, без погон – то ли лётную, то ли железнодорожную, то ли милицейскую, не понять, в старые лыжные брюки со вздувшимися коленками, обут в яркие китайские кеды.

– Папа! – укоризненно проговорила Лиля.

– Ну, я папа.

– Что за наряд, папа!

– Наряд как наряд. Молодой человек поймет и простит, – отрезал Хмырь. – Наряд рай-центровского жителя, привыкшего работать.

– Да я не к тому...

– А я к тому! Ну, пошли, выюноша, в дом, – пригласил он Сметанина, – чайку попьем, к чаю кое-чего еще добавим...

– Не могу, – отказался Сметанин, – завтра рано вставать. Работа!

– Игорек – летчик, – пояснила Лиля.

– Летчик-налетчик. – Хмырь насупился. – Я в своем деле больше, чем летчик, по минам каждый день хожу. Знаю – если ошибусь, то в спину получу нож либо жакан, но, невзирая ни на что, иногда выпиваю и чувствую себя неплохо. Когда можно пить – пью. – Хмырь оценивающе отодвинулся назад, сжал глаза, прищур был хитрый, холодный. – Игорь, значит?

– Игорь Сергеевич, – уточнил Сметанин.

– А я – Федор Харитонович.

– Очень приятно, Федор Харитонович. – Сметанин, не удержавшись, снова поклонился, выругал себя: и чего, собственно, он дразнит этого быка? Пора кончать с дешевыми театральными эффектами. – Приятно познакомиться!

– И нам приятно, что вам приятно. – Хмырь усмехнулся. – Приятно вдвойне, что вам приятно. Значит, так – завтра вечером, в девятнадцать ноль-ноль, жду к себе в гости. Лильку я забираю, можешь не провожать. Гарантирую: будет цела!

Домой Игорь Сметанин возвращался в некотором смятении – и черт его попутал встретиться с этим хряком. Мужик крутой, ежели что, разбираться не будет, врежет кулаком между ушей. Одну только поблажку даст, в духе демократических веяний времени: «Как лучше врезать: промеж ушей спереди или промеж ушей сзади?» «Интересно, где он работает?»

Сметанин не знал, где работает Лилин отец, но понял, какую промашку допустил, увлекшись длинными ногами, когда увидел Хмыря в милицейской форме с четырьмя здорово потертыми звездочками на погонах – Хмырь так долго ходил в капитанах, что у него погоны сделались дырявыми, а звездочки сносились до шпенок и отколупывались сами по себе.

Холодно стало Сметанину, внутри все сжалось, подобралось, как в минуту опасности. Отступить было поздно – Лилька к этой поре уже была брюхата и ни за что не хотела произвести искусственное опоражнивание. Говорила, что рано, но Сметанин точно знал, что не рано, и злился, нервничал, понимая, что Лиля подцепила его на крючок, и теперь, как большого сладкого сома, вываживает и отец хоть и не помогает тащить рыбу из воды, но будет помогать, как только Лиля свистнет его...

Но это было позже, а пока Сметанин не ведал, кто Лилин отец, морщил лоб – очень уж этот бык не понравился, так и просился зверь, чтобы в ноздри ему вставили стальное кольцо, – идя домой, Игорь думал о том, что лето в Сибири короткое, горькое, тихое с противной звенью комаров и невидимым цветением папоротника, и хоть радости в нем мало, но провожают его люди с большой печалью.

А если взять чуть севернее, куда Сметанин также летает, так там по лету вообще плачут, оно по размеру не более птичьего скока, одиннадцать месяцев зима, остальное – весна, лето и осень, но вот ведь как: чем севернее, тем крепче, дружнее живет там народ, московской гнили в каком-нибудь Березове или Диксоне либо в Певеке с Жилиндой днем с огнем не сыщешь... А московская ущербность, минусовость вызывает у местных людей ощущение досады.

Придя домой, Сметанин, не включая света, оглядел свое холостяцкое жилище, пахнущее потом, клопами, пылью, еще чем-то, совершенно невыводимым, – он неожиданно вспомнил про большое пятно на лысине генсека, мысль эта возникла ни к селу ни к городу, кроме намека, что такие пятна также никакой жидкостью не выводятся, – потом включил свет и, увы, не уберется, в форточку напустил комаров... Так с комарами и улегся спать.

Естественно, не выспался, встал утром злой, всклокоченный, с расцарапанным от укусов лицом. Поморщился и разом сделался старым и несчастным, когда на ум пришел вчерашний бык – Лилин папа. Очень уж опасен был папа, от него прямо-таки исходили недобрые токи, распространялись кругами, будто магнитные волны. Сметанин в сердцах ударил кулаком по тумбочке, пристроенной к кровати.

Конечно, смотрел бык на него в полуприщур, как при стрельбе из ружья по живой цели. И если Лилька проболтается, от быка отбиться будет трудно. У Сметанина даже заныла ключица и зачесался подбородок – он словно бы почувствовал чужой кулак, – но при всех трудностях бытия у Сметанина есть то, чего нет у других.

Отец, находясь в командировке во Франции, купил на арабском рынке, где продавали буквально все от зенитных пулеметов и дамских «вальтеров» до крупнокалиберных гаубиц времен Второй мировой войны, тамошнюю новинку – газовый баллончик. Не один, целых три – себе, жене и сыну.

Судя по маркировке, это был баллончик с полицейским газом, который может сшибить с ног не только человека – даже бегемота... Если понадобится, то Игорь этим баллончиком запросто уложит и Лилиного папу-быка.

...В тот день Игорю с Агеевым повезло – в самолет втряхался еще один старатель с добычей, – что-то они стали вылезать из своих нор, будто тараканы, обработанные одуряющим спреем, Агеев отправил его туда же, куда спровадил и неведомого Семена, – научился мужик работать, как молотобоец на мясокомбинате.

– Только больше не поднимай никаких зажигалок, – предупредил его Сметанин.

– Ни за что!

– Никаких цацок!

– Есть никаких цацок!

Старатель, очутившись в самолете, мгновенно расслабился и тут же задремал. М-да, что-то все они вылезают из тайги сморенные, лишенные сил – комары доконали, что ли, – пустые, ни мышц, ни крови, одни кости, да обожженная солнцем кожа. Кроме старателя, самолете никого не было – и в этом повезло... Агеев оглушил его ломиком, отнял драгоценный груз, ссыпанный в железную коробку из-под чая, Игорь снизился до трехсот метров, и Агеев спихнул золотодобытчика ногой прямо на заостренные, словно пики, макушки сосен.

Через своих людей в Москве Игорь Сметанин уже реализовал добычу трех бедолаг, старательствующих ныне в мире ином, и сумму выручил такую, что страшно сказать! Когда он вручил Агееву его долю, напарник, открыв кейс с деньгами, открыл рот так, что в него могла свободно влезть тарелка вместе с супом и еще стакан компота, зашлепал губами, зашипел ошпаренно – старался втянуть в себя воздух, но глотка, несмотря на распахнутый до отказа рот, сомкнулась сама по себе, и воздух застревал, не проходя в легкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.